



Рис. А. Г. Орлова 1865.

Трас. Н. Чекин, Издательство М. А. С., Рекаст 30 июня 1832 года!

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣль :
Имъ пишеть всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бъ его оставить. Я хотѣль
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ : я бы совладѣль
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу !
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобы имъ путь открыть широкій , вольной ,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу . . .
Вы знаете , что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы . Почему ? спрошу .
Такъ писываль *** богомольной ,
По большей части такъ и я пишу .
Къ чему ? скажите ; ужъ и такъ мы голы .
Отнынѣ въ рифмы буду братъ глаголы .

III.

Не стану ихъ надменно браковать ,
Какъ рекрутовъ , добившихся увѣчья ,
Иль какъ коней , за ихъ плохую стать , —
А подбирать союзы да варѣчья ;
Изъ мелкой сволочи вербую рать .
Мнѣ рифмы нужны ; всѣ готовъ сберечь я ,
Хоть весь Словарь ; что слогъ , то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй : у насъ вѣдь не парадъ .

IV.

Ну , женскіе и мужескіе слоги !
Благословясь , попробуемъ : слушай !
Ровняйтесь , вытягивайте ноги
И по три врядъ въ октаву заѣзжай !

Не бойтесь , мы не будемъ слишкомъ строги ;
 Держись вольниѣй и только не плошай ,
 А тамъ уже привыкнемъ , слава Богу ,
 И выѣдемъ на ровную дорогу .

V.

Какъ весело стихи свои вести
 Подъ цыфрами , въ порядкѣ , строй за строемъ ,
 Не позволять имъ въ сторону брести ,
 Какъ войску , въ пухъ разсыпанному боемъ !
 Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести ,
 Тутъ каждый стихъ глядить себѣ героемъ ,
 А стихотворецъ съ кѣмъ же равенъ онъ ?
 Опъ Тамерланъ , иль самъ Наполеонъ .

VI.

Не много отдохнемъ на этой точкѣ.
 Что ? перестать или *пустить на ne?* . . .
 Признаться вамъ , я въ пятистопной строчкѣ
 Люблю цезуру на второй стопѣ .
 Иначе , стихъ то въ ямѣ , то на кочкѣ ,
 И хоть лежу теперь на канапѣ ,
 Все кажется мнѣ , будто въ тряскомъ бѣгѣ
 По мерзлой пашинѣ мчусь я на телѣгѣ .

VII.

Что за бѣда? не все жъ гулять пѣшкомъ
 По Невскому граниту, иль на балѣ
 Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
 Въ степи Киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
 Со станціи на станцію шажкомъ,
 Какъ говорять о томъ оригиналъ,
 Который, не кормя, на рысакѣ
 Прїѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій ипоходецъ
 Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
 Старъ, зубъ ужъ нѣть. Имъ вырытый колодезъ
 Изсохъ. Поросъ крапивою Парнассъ;
 Въ отставкѣ Фебъ живеть, а хороводецъ
 Старушекъ Музъ ужъ не прельщаетъ нась.
 И таборъ свой съ классическихъ вершиною
 Перенесли мы на толкучій рынокъ.

IX.

Усядься, Муза; ручки въ рукава,
 Подъ лавку ножки! не вертись, рѣзвушка!
 Теперь начнемъ. — Жила быма вдова,
 Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,

Съ одною дочерью. У Покрова
 Стояла ихъ смиренная лачушка
 За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
 Свѣтёлку, три окна, крыльцо и дверь.

X.

Для три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
 Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ.
 Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
 Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
 Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
 Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
 О той порѣ, когда я быль моложе,
 Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XI.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
 Глядѣть я косо. Если въ эту пору
 Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ;
 То моему бѣ озлобленному взору
 Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
 Бываетъ сердце полно; много вздору
 Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
 Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блажень, кто крѣпко словомъ править
 И держитъ мысль на привязи свою,
 Кто въ сердце усыпляетъ или давить
 Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
 Но кто болтливъ, того молва прославить
 Вмигъ извергомъ.... Я воды Леты пью,
 Минь Докторомъ запрещена унылость:
 Оставимъ это, — сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

Старушка (я стократъ видаль точь въ точь
 Въ картинахъ Рембранда такія лица)
 Носила чепчикъ и очки. Но дочь
 Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
 Глаза и брови — темныя какъ ночь,
 Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
 Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
 Читала сочиненья Эмина,

XIV.

Играть умѣла также на гитарѣ
 И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ,*
 И *Выду ль я — , и то — что ужъ постарѣ ,*
 Все, что у печки въ зимній вечерокъ

Иль скучной осенью при самоварѣ
 Или весною, обходя лѣсокъ,
 Поетъ уныла Русская дѣвица,
 Какъ Музы нашей грустная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально: всей семьёй,
 Отъ ямщика до первого поэта,
 Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
 Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!
 Начавъ за здравіе, за упокой
 Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
 Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ.
 Но правится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

Параша (такъ звалась красотка наша)
 Умѣла мыть и гладить, шить и плести;
 Всѣмъ домомъ правила одна Параша,
 Поручено ей было счеты весть,
 При ней варились гречневая каша,
 (Сей важный трудъ ей помогала несть
 Стряпуха Ѹекла, добрая старуха,
 Давно лишенная чутья и слуха).

★

XVII.

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленьkimъ столомъ,
 Раскладывала карты и гадала.
 Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
 То у окна, то на дворѣ мелькала,
 И кто бы ни проѣхалъ иль нешёлъ,
 Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій поль!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано,
 Но лѣтомъ дѣ-ночи растворено
 Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно.
 (Безъ этого ни одного романа
 Не обойдется; такъ заведено!)
 Бывало, мать давнимъ давно храпѣла,
 А дочка — на луну еще смотрѣла.

XIX.

И слушала мяуканье котовъ
 По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
 Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
 И только. Ночь надъ мирною Коломной

Тиха отмѣнио. Рѣдко изъ домовъ
 Мелькнуть двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
 Ей слышать было можно, какъ онѣ
 Въ упругое толкалось полотно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
 Вдова ходила съ нею къ Покрову ,
 И становилася передъ толпою
 У клироса нальво. Я живу
 Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
 Люблю летать, заснувши на яву,
 Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
 Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ъздила всегда
 Графиня....(звали какъ, не помню право)
 Она была богата, молода;
 Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
 Молилась гордо (гдѣ была горда!)
 Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
 Все на нее. Параша передъ ней
 Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно;
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его бѣ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ.... Въ нихъ-то я вникалъ,
Невольный взоръ они-то привлекали....
Но это знать Графиня не могла ,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXIV.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ роскошной пѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла

Свой фиміамъ, — она была несчастна.
Блажениѣ стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса зміей на гребиѣ роговомъ,
Изъ-за ушай змію кудри русы,
Косыночка кресть-на-кресть иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы —
Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
Все жъ ъездили Гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ вими кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душою холодна? увидимъ ниже.
Покамѣстъ мирно жизнъ она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-Фурьеа).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
 Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
 Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
 И уксусомъ, и мятою припаркой
 Ее лечили. Въ почь предъ Рождествомъ
 Она скончалась. Съ бѣдою кухаркой
 Они простились. Въ тотъ же день пришли
 За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
 Коть Васька. Послѣ вдовушка моя
 Подумала что два, три дня — не долѣ —
 Жить можно безъ кухарки; что не лѣзя
 Предать свою трапезу Божьей волѣ.
 Старушка кличетъ дочь: «Параща!» — «Я!»
 — «Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
 Не знаетъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.» —

XXIX.

— «Узнаю, маменька.» И вышла воинъ,
 Закутавшись. (Зима стояла грозно,
 И снѣгъ скрыпѣлъ, и синій небосклонъ,
 Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).

Вдова ждала Парашу долго; сонь
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: — « Вотъ я кухарку привела. »

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой припарядясь,
Высокая, собою педурная,
Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирай.
— « А что возьмешь? » спросила, обратясь,
Старуха. — « Все, что будетъ вамъ угодно, »
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовъ понравился ел отвѣтъ.
— « А какъ зовутъ? » — « А Маврой » — Ну, Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Феклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смѣй. » —

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переварить,
То пережарить, то съ посудой полку
Уронить; вѣчно все пересолить,
Шить сядеть — не умѣть взять иголку;
Ее бранить — она себѣ молчитъ;
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадить.
Параша бѣется, а никакъ не сладить.

XXXIII.

По утру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашель испугъ.

XXXIV.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой,
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она нась обокрасть,

Да улизнуть ? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника ! Ахти, какая страсть ! »
Такъ думая, старушка обмирала
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала :

XXXV.

— « Стой тутъ, Параша. Я схожу домой
Мнѣ что-то страшно. » Дочь не разумѣла
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла ;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку , въ кухню посмотрѣла , —
Мавруши нѣть. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что жъ ? о Боже ! страхъ какой !

XXXVI.

Предъ зеркальцомъ Параши , чинно сидя ,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой ?
« Ахъ, ахъ ! » и шлепнулась. Ее увидя ,
Та , въ торопяхъ , съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни , прямо на крыльцо ,
Да ну бѣжать , закрывъ себѣ лицо .

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
 — «Что, маменька?» — «Ахъ, Пашинька моя!
 Маврушка...» — «Что, что съ ней?» — «Кухарка паша....
 Опомниться досель не въ силахъ я....
 За зеркальцомъ вся въ мылѣ....» — «Воля ваша,
 Мне право ничего понять нельзя;
 Да гдѣ жъ Мавруша?» — «Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!» —

XXXVIII.

Параша закраснѣлась или нѣтъ,
 Сказать вамъ не умѣю; по Маврушки
 Съ тѣхъ порь какъ не было, — простишь и слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ уплату не полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у старушки
 Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
 Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

XXXIX.

— «Какъ! развѣ все тутъ? шутите!» — «Ей Богу.»
 — «Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
 Къ чemu жъ такую подняли тревогу,
 Скликали рать и съ похвалбою шли?

Завидную жъ вы избрали дорогу !
 Ужель иныхъ предметовъ не нашли ?
 Да нѣтъ ли хоть у васъ правоученья ? »
 — « Нѣтъ . . . или есть : минуточку терпѣнья . . .

XL.

Вотъ вамъ мораль : по мігѣнию моему ,
 Кухарку даромъ напинать опасно ;
 Кто жъ родился мужчиною , тому
 Рядиться въ юбку странно и напрасно :
 Когда нибудь придется же ему
 Брить бороду себѣ , чтѣ несогласно
 Съ природой дамской . . . Больше ничего
 Не выжмешь изъ рассказа моего .

A. Пушкинъ.

1829.

